

Детлеф Промп

О ПСИХОБИОЛОГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между, «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между приверженцами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Под понятием психологической идентичности подразумевается постоянно испытанное в себе и во времени единство личности. Оно относится к субъективному сознанию человеком себя самого. При этом человек, кажется, не с самого начала уверен в своей идентичности. Скорее он должен сначала разработать ее, по словам психолога Эрика Х. Эриксона, в ходе рискованного процесса взросления.

Для Эриксона развитие сознания и поведения следует, как любой органический рост, «эпигенетическому принципу», т.е. генетически предусмотренному плану роста. И так же, как нарушения обмена веществ во время беременности могут негативно влиять на эмбриональное развитие, нарушения в процессе взросления (созревания) могут предотвращать образование здоровой личности. Однако, здоровая личность обозначается, прежде всего, «стабильным сознанием собственной идентичности («Я-идентичности»)».¹

Человек развивает свою идентичность, по словам Эриксона, из «постепенной интеграции всех идентификаций»,² причем он как маленький ребенок сначала однажды идентифицирует себя со своими родителями³. Позже следуют идентификации с другими людьми, а также с социальными ролями. Из «Я хотел бы быть таким как...» при социальном признании получается «Я тот, который...». Субъективное сознание того, что ты за человек, – является Я-идентичностью. Тем не менее, она – не просто мозаика из отдельных опре-

делений – я – мужчина, отец, учитель, немец и т.д. и т.п., а, как говорит Эриксон, «здесь Всё (целое) получает другое качество, отличное от просто суммы его частей».⁴ Здесь все должно подходить друг к другу и функционировать вместе друг с другом. В столь же малой мере, как пригоршня шестеренок представляет собой часы, отдельные определения представляют собой Я-идентичность. Только их рационально связанное между собой взаимодействие дает Целому гармоничную особенность и функциональное качество. Если интеграция отдельных идентификаций не всегда удачно приводит к Я-идентичности («накапливающаяся Я-идентичность»⁵), то у нас получаются невротические дети, невротические молодые люди, невротические взрослые. И невротические взрослые как предложения идентификации несут в себе для их детей, воспитанников, учеников и т. д. снова зародыши для следующего поколения людей с искаженной идентичностью.

Это ориентирующееся на принцип постепенной интеграции, как в эволюционном, так и в онтогенетическом смысле понятие идентичности учитывает равным образом влияния окружающей среды и эволюционно заложенные правила ее обработки. Поэтому оно наилучшим образом подходит для биологически-антропологического рассмотрения лежащих в его основе механизмов.

Идентификация при этой точке зрения проявляется не просто как учение, а как учение по расписанию. Расписания можно придерживаться только тогда, если на отдельных станциях готово все, что необходимо для безупречного отправления – а это, в свою очередь, зависит от особенностей поезда. Этот образ поясняет биологические представления о персоногенезе: Особенности поезда – это племенно-исторически приобретенные качества человека. Они типичны для вида с расово-специфическими и индивидуальными формами.

Расписание – это также племенно-исторически заданный план роста, от которого зависит, что, как, и в какое время может – и должно – быть обработано в течение онтогенеза. Необходимым для отправления являются предложения окружающей среды, которые там должны быть в правильное время и в правильной форме, если должна развиться здоровая личность, Я-идентичность. Человек появляется здесь не как «пустой контейнер», который окружающая среда может по своему усмотрению наполнить тем, что как раз наличествует в ней. Скорее он – активный субъект, который, исходя из своих внутренних закономерностей, определяет, что и как он интегрирует в свою систему восприятия и систему поведения. При этом – и это то, что делает его уязвимым – он зависим, однако, в определенные времена от определенных предложений. Если он будет их лишен, то интеграция отдельных идентификаций может оказаться неудачной. В этом отношении психическое здоровье, при условии исправной нервной системы, зависит преимущественно от предложений окружающей среды.

Чтобы смочь узнать, какие предложения окружающей среды обязательны для здорового персонотенеза, должны быть даны две предпосылки: 1. Должно быть определено в идеально-типичном смысле, что является «здоровой личностью»; 2. Должны быть известны внутренние закономерности, в соответствии с которыми обрабатываются и интегрируются предложения окружающей среды.

О первой предпосылке:

У здоровья есть объективная и субъективная сторона. Объективно это понятие включает невредимость и безотказное функционирование и согласованность органов, субъективно – хорошее самочувствие человека. Если применить это понятие к личности, то с субъективной стороны проблем нет. Хорошее самочувствие в форме уверенности в себе и уверенности в своих силах может считаться признаком здоровой личности. Но гораздо труднее установить объективно, нарушены ли, искажены ли область эмоций, представления, поведение. При органической болезни возможно говорить о болезни, даже если 95% населения поражены ею. Если бы 95% немцев ФРГ стыдились, что они являются немцами, было ли бы это знаком поврежденной или неудачной идентификации? Как следовало бы определить это объективно? Нельзя ли было бы сказать, что это, однако, совершенно обычное явление, ввиду того, что мы снова и снова можем слышать о нашем прошлом? Ну, диабет остается болезнью, независимо от того, сколько людей им больны. И стыд быть тем, кто ты есть, тоже может обозначаться как нарушение независимо от статистической нормы, если сделать положительную самооценку отдельных идентификаций мериллом для их успешной интеграции в целостной личности. Но при этом, однако, снова смешиваются субъективный и объективный уровни, а это не допустимо. К объективной стороне можно приблизиться только тогда, если изучить систему поведения человека так же, как медики изучают органы и их функции.

О второй предпосылке:

Внутренние закономерности, в соответствии с которыми обрабатываются и интегрируются предложения окружающей среды, по сути, известны. Также их знание основывается на изучении системы поведения человека, которая вместе с тем оказывается ключом к вопросу об основах формирования идентичности.

С точки зрения биологии человек относится к приматам. В отличие от его ближайших родственников он не специализируется на жизни в определенном биотопе, а как типичный космополит является «специалистом по не специализированному бытию» (К. Лоренц). Эта форма бытия согласуется с несколькими особенностями поведенческой системы, которые очень важны для нашей постановки вопроса. Виды, которые специализируются на жизни в определенном биотопе, располагают, как правило, поведенческими системами, которые приспособлены к жизненным условиям именно в этом биотопе.

Эти генетически обусловленные, твердо установленные в нервной системе шаблоны восприятия и образцы действия обозначаются как врожденные возбуждающие механизмы, сокращенно ВВМ (сторона рецептора) и инстинктивные действия (сторона эффектора). Наследственные схемы подключения поведенческой системы могут относиться только к аспектам окружающей среды, которые на протяжении жизни многих поколений остаются неизменными. Часто они относятся также к собственному виду. Так неоднократно встречаются ВВМ для противоположного пола, которые вызывают у самцов токование (брачные игры) или у самок чопорность или уведомление о готовности к спариванию. ВВМ заботятся о том, чтобы кое-что узнавалось как кое-что, и они в нервной системе производят соответствующие импульсы действия, узнаваемые ситуацией, которые существуют в форме унаследованных координаций. Это классическая схема инстинктивного действия. Нужно дополнить, что отдельную наследственную координацию можно вызвать только в том случае, если внутренняя готовность для этого достаточно сильна. По сведениям биологии каждая отдельная наследственная координация обладает потенциалом готовности, который повышается эндогенными действиями нервной системы, но также и увеличивающими готовность (= подзаряжающими) возбуждениями. Это может дойти до того, что при отсутствии адекватной ситуации поведение переходит в холостой ход. С другой стороны, это так, что каждая вызывающая ситуация состоит из нескольких простых признаков, вызывающее действие которых накапливается. При низком потенциале готовности должны присутствовать по возможности все вызывающие признаки, чтобы вызвать адекватное поведение; при высоком потенциале хватает уже немногих. Высокий потенциал готовности к определенному инстинктивному действию также часто ведет к тому, что организм по собственному почину ищет вызывающие ситуации. Это называют аппетентным поведением. Оно неоднократно состоит из простых движений передвижения, может содержать, однако, и более сложные действия.

Как правило, эти механизмы управления не достаточны даже для высокоспециализированных видов. У окружающей среды есть неоднократно еще важные аспекты, о которых никакая информация не может сохраняться в наследственности: границы участка обитания, признаки индивидуального подрастающего поколения или родителей, точки ориентирования в отношении места вывода и т.д. Верные участку виды должны быть запрограммированы на то, чтобы выучить границы участка обитания и его дороги, так же, как и виды, ухаживающие за своим потомством, должны снова находить их место вывода и уметь идентифицировать своих детенышей. Здесь не может быть врожденной информации, но зато – врожденные программы обучения. ВВМ содержат тогда только очень общие признаки, индивидуальная форма и выражение которых должны быть «вложены путем обучения».

Чем более не специализирован вид, тем больше он должен учиться. То есть, не специализированные виды биологически запрограммированы на то, чтобы собирать сведения о тех аспектах их соответствующей окружающей среды,

которые делают возможными жизнь конкретно их вида. Они любопытны, они пробуют все возможное, они играют, они умны. Тем не менее, это не может скрывать того, что именно типичный для данного вида образ жизни,⁶ как система инстинктивных действий, диктует, что нужно учить и для чего.

У человека потенциал к учебе достиг огромных размеров. Некоторые педагоги начинали даже фантазировать о «безграничной способности к учебе».⁷ Она наверняка не безгранична, она даже не структурирована. Хотя и космополит, но человек тоже обладает типичным для его вида образом жизни как социальный примат. И это значит, что он подвержен определенным принуждениям к обучению, принуждениям, эволюция которых равносильна деспециализации, которая вообще только делает возможной космополитизм. Племенно-историческая деспециализация растворяет генетически обусловленную пригонку к определенному биотопу. Поэтому человек еще долго рождается не в мягкую белую вату, а в структурируемое жизненное пространство и в структурируемое социальное устройство. И в том и в другом человек должен уметь ориентироваться, точно так же хорошо, как специализированный вид в его окружающей среде. И так как в племенно-историческом развитии значительные жизненно важные вещи никогда не остаются предоставленными случаю, эволюция человека развила в нем готовность к обучению, которая должна обеспечивать эту ориентацию. Специализация переносится, таким образом, из филогенеза в онтогенез.

Учебные механизмы, которые вызывают онтогенетическую приспособляемость, разнообразны. Похожие на запечатление (инпринтинг) процессы играют здесь выдающуюся роль, привычки несут основную нагрузку пригонки, из-за чего возникла правильная поговорка, что человек может привыкнуть ко всему и, наконец, здесь нужно назвать еще обработку сведений, которые принимаются в виде закодированных символов, т.е. «упакованные» в форме языка.

Подобные инпринтингу учебные процессы показывают наиболее отчетливо их принудительный характер. Понятие «инпринтинг» восходит к Конраду Лоренцу. Он определял его как «процесс приобретения объекта безобъектно врожденного инстинктивного действия, направленного на сородича».⁸ Лоренц обнаружил этот феномен, когда наблюдал, что гусята следуют за тем большим, передвигающимся объектом, который они первым видят в короткий промежуток времени после того, как вылупились из яйца. При этом, как правило, речь идет о матке, с которой гусенок таким путем создает индивидуализированное соединение, однако, в случае эксперимента это может быть игрушечной машиной или воздушным шаром. Период, во время которого возможен такой инпринтинг, называется «чувствительной фазой», или «критической фазой», если он превосходит определенный размер. Однажды произошедшее запечатление необратимо, и способность к инпринтингу безвозвратно исчезает, когда соответствующая критическая или чувствительная фаза прошла.

Однако такие высоко-специфические учебные процессы до сих пор не подтверждены в этой форме у человека. Поэтому в биологической антропологии говорят более осторожно о «процессах, подобных инпринтингу».⁹

Потому что у человека с уверенностью есть периоды повышенной чувствительности к определенным требованиям социальной окружающей среды.¹⁰ Они в то же время являются фазами общей переорганизации: первый год жизни, метаморфоза на пятом году жизни, половое созревание.

В первой фазе могла бы речь идти – также, как у гусенка – о создании индивидуализированного соединения с соответствующим (связанным с ним) лицом, как правило, с матерью.¹¹ Во второй фазе, возможно, хотя сексуальное поведение еще не созрело, объект приобретает это поведение, т.е. учится понимать самого себя как мальчика или девочку.¹² В третьей фазе социальное обязательство получает, так сказать, свой предмет. Молодой человек ищет принадлежность к большей общности, признаки которой поэтому получают полностью положительную оценку. Психолог Айферт утверждает так: «В этом возрасте самоклассификации находится вершина готовности предубеждения. Националистические или расистские доктрины нигде не падают на более плодотворную землю».¹³ К этим трем чувствительным фазам можно добавить три аспекта нахождения идентичности:

1. Идентификация с соответствующим (связанным с ним) лицом как основа Я-идентичности;
2. Идентификация с ролью пола;
3. Идентификация с группой, а именно с обширной группой.

И не только в последней, а во всех трех фазах предубеждения как приговоры (категорические суждения) образуют сначала основу для идентификации. Ребенок появляется на свет, так сказать, с предубеждением, что его мать примет его, будет кормить и заботиться о нем. Если мать (или также другое лицо) подтверждает это предубеждение, то у ребенка образуется так называемое «пра-доверие», по словам Эриксона «краеугольный камень здоровой личности».¹⁴ Запланированный на предсказуемый, надежный мир, малыш воспринимает его действительно как надежный и идентифицирует себя с первым гарантом именно этой надежности. Ребенок благодаря его соответствующему, связанному с ним лицу, впервые узнает «Я тот, который...». Также определение ролей пола основывается сначала на суждениях. Например, пятилетний ребенок совсем не может проверить, что поведение родителя одного с ним пола или других «объектов идентификации» одного с ним пола действительно имеет такие свойства, что ориентация на них содействует в дальнейшем успеху размножения. С точки зрения племенной истории это является единственным смыслом этого похожего на инпринтинг учебного процесса. Когда созревает способность к размножению, то как раз необходимо уже воспринимать себя как существо определенного пола и направлять определенные ожидания на противоположный пол.

В стадии полового созревания, наконец, происходит поиск групповой идентичности. «Группу» можно определить, в том числе, и тем, что ее члены полагают общими и отличающими их от других признаками. Искусственные группы сами создают себе свои признаки, естественные группы находят свои признаки. Естественные отличительные признаки как цвет кожи, но также и как язык и культура, о которой начинают размышлять только тогда, когда владеют ими уже давно – и только в этом смысле мы называем их естественными – из-за их более явного и четкого признака разделения подходят гораздо лучше для получения групповой идентичности, чем искусственные, например, цветовые символы клуба или партбилеты, тем более, что искусственные группы – это, как правило, субгруппы внутри естественных. Если молодой человек развивает чувство «мы», что равносильно возникновению групповой идентичности, тогда он действует уже как носитель исключительных групповых признаков, а именно, языка и культуры. Их же он, в свою очередь, усвоил на основе предубеждения, что для существования было бы полезно принимать участие в опытах людей, которых он знает, т.е. учиться у них, узнавая, что имеет значение в общем жизненном пространстве и в общем социальном устройстве.¹⁵ Но чтобы развить чувство «мы», естественно, требуются положительная оценка и подтверждение собственных групповых признаков. При развитии пра-доверия поведение связанного лица дает нужное подтверждение, и при определении с половой ролью это образец родителей и других доверенных лиц, которые демонстрируют данную ориентацию как правильную. Здесь, однако, требуется мнение возможно многих – а также чужих для данного лица – членов группы.

Групповые признаки были приняты в процессах образования привычек и овладения языком и знаниями сначала только как чистое умение и знание, теперь они должны оказаться пригодными в качестве связующих элементов большей общности. Отсюда готовность к предубеждению, определенная Айфертом: Все, с чем сталкивается человек в ходе заложенного в ходе взросления учебного процесса, тогда как он позволяет положительное подтверждение собственной точки зрения группы и ее признаков, жадно принимает. На пороге к взрослой жизни в собственной ответственности для социального примата, которым все еще является человек, крайне важно обеспечить встраивание в опытную группу.

В этих трех похожих на инпринтинг учебных фазах закрепляется, собственно, только в относительно короткой и драматической форме то, что приобреталось в непрерывном учебном процессе, а также может позже еще расширяться. Но непрерывность эта только мнимая. Также и при учении нет простого добавления, но каждый новый элемент подгоняется к общему устройству того, что человек уже знает и умеет. Это касается привычек, которые усваиваются в определенном социальном обществе и в определенной окружающей среде, как и символических систем, которыми пользуются как раз в этом социальном обществе и в этой окружающей среде, а также и теоретических знаний, которые передаются этими символическими системами и кото-

рые, естественно, относятся к собственному социальному обществу и собственной окружающей среде. Только эта интеграция данных и т.д. приводит к тому, что, вообще, может существовать идентичность; и вследствие того, что эти данные и т. д. неизбежно происходят из ограниченной окружающей среды и всегда данного социального общества с сохраненным по традиции языком и сохраненной по традиции культурой, эта идентичность всегда и неминуемо является идентичностью в определенной группе, культура которой, символические системы которой, ее приемы и т. д. развивались в приспособлении к данной окружающей среде и сохранялись по традиции. Растворенное племенно-исторической деспециализацией соединение с определенным биотопом было нейтрализовано бытием, заложенным на индивидуально-историческое соединение. Это так у всех любопытных космополитов. У человека благодаря способности к символизации и традиции знания присоединилось еще культурно-историческое измерение, вследствие чего индивидуальное приобретение опыта проводится большей частью через накопленный в течение веков групповой опыт. Но группа, которая характеризуется общим языком и культурой, в нашем смысле является, таким образом, естественной группой, с самого начала той, в которой развивается идентичность. Поэтому молодой человек в процессе свойственной для периода полового созревания ориентации его социального обязательства ожидает, что как раз эта группа примет его как полноценного члена.¹⁶ Потому что, как само собой разумеется, чувство «мы» требует подтверждения со стороны тех, кто уже добился признания, достиг уважения.

Давайте поподробнее рассмотрим соотношения социального устройства, окружающей среды и приобретения идентичности. Для этого мы наденем очки системного теоретика и обнаружим, что весь космос разложен по ящичкам. При этом каждый ящичек является как частью, так и Всем, Целым.¹⁷ Возьмем индивидуума. Он появляется как целое. Мы можем разделить его, конечно, дальше на другие Целые – на уровень глубже. Мы дойдем тогда до систем органов. Систему пищеварения, нервную систему и т. д. можно разделять на органы, их на ткани, ткани на клетки и т. д. и т. д. до атомов и элементарных частиц. Но индивидуум – это не только целое, но и часть. Но каким является ближайший более высокий уровень, который снова дает целое? Следующий уровень или ящичек снова легко можно определить. Это планета Земля. Затем следуют Солнечная система, потом наша Галактика, наконец, космос в целом. Каждый уровень, который образует целое, состоит из частей, которые связаны друг с другом упорядоченными отношениями. Можно такое целое обозначить также как систему, его части как подсистемы. Они – снова с подсистемами – рассмотренные сами по себе – тоже являются системами и т. д. Если рассматривать их «снизу вверх», каждая система взаимодействует на своем уровне с другими системами, которые представляют собой ее «окружающую среду». Система включая ее окружающую среду представляет собой систему более высокого порядка, которая со своей стороны существует в окружающей среде систем того же порядка.

Системная окружающая среда человека – это жизненное пространство, которое он делит с другими людьми. Однако, после нашего определения это является верным только в том отношении, когда он поддерживает упорядоченные или закономерные отношения с элементами его окружающей среды – с другими людьми как и с остальной живой и неживой природой. И не забывайте, все созданные людьми самостоятельно окружающие их вещи также входят в программу и даже «духовные» элементы мира: символы, идеи, планы, предписания и т. д, короче – человеческие артефакты и ментифакты, если человек поддерживает упорядоченные отношения с ними. То есть, вся система человеческой окружающей среды характеризуется наличием образцов взаимодействия, которые включают других людей, искусственную и не искусственную окружающую среду, а также связанные с этим ментифакты. Система – это, так сказать, человек в его социальном и политическом пространстве, в его языковом пространстве, его культурном пространстве и его жизненном пространстве. Можно сказать и короче: народ в его жизненном пространстве.

Молодой человек должен научиться ориентироваться и закрепиться в этой сверхсложной системе. Он на основе овладения языком и приобретения знания, на основе индивидуальных опытов и привычек, а также на основе традиций учится удовлетворять свои естественные потребности соответственным способом. «Соответственный» это значит – в рамках отрегулированных отношений между элементами системы, причем отдельный человек, естественно, может всегда обозреть только относительно маленький горизонт с собственного местонахождения в пределах системы. Тем не менее, он учится, рассматривая в целом, передвигаться с некоторой надежностью в пригодной для расчета окружающей среде вопреки ее сложности. Индивидуально разные начальные позиции и условия среды в зависимости от местонахождения родителей, например, в системе – а также различия в способности к учебе заботятся о необходимом разнообразии, чтобы смочь занимать все разные позиции, которые такая сверхсложная система разработала в течение своего развития. Сложностью всегда называется только «упорядоченное разнообразие». Без индивидуальных различий не может существовать высокоцивилизованного и высокотехнического народа! И без индивидуальных различий также не может быть – что интересно – идентичности. Сознание собственного существования включает все равно сознание отличающихся от себя существований. Умение различать означает различие. Если посмотреть на свойственную для периода полового созревания ориентацию социального обязательства на обширную группу в рамках развития Я-идентичности, то можно установить, что речь идет о большем, чем только об общем чувстве принадлежности. Скорее, молодой человек *как он сам* ищет подтверждения группы, так как он ожидает соответствующую его индивидуальным способностям и знаниям позицию.

Мы кроме эволюционно-психологического и системно-теоретического можем вступить еще на третий путь, чтобы осветить поиск идентичности с биологи-

чески-антропологической точки зрения. Мы знаем из нейробиологии и этологии, что управление поведением человека – это не чистая работа головного мозга, а что она получает ее импульсы также из более глубоких областей центральной нервной системы. Основные стимулирующие механизмы устанавливают племенно-историческое наследие относительно его организации инстинктов.¹⁸ То, что у немногих высокоорганизованных видов является относительно неподвижными, наследственно-скоординированными поведенческими последовательностями, оказывается у него в сущности свободной связью самых коротких унаследованных координаций, которые на основе их собственных аппетентностей в новых ситуациях могут совместиться в новых поведенческих формах.¹⁹

Эти отдельные структурные элементы моторики вместе с их соответственным специфическим стимулированием образуют, так сказать, части человеческой «поведенческой головоломки», которые хоть и разнообразны, но вовсе не комбинируются сколько угодно друг с другом. На стороне восприятия в отношении приведения в действие манер поведения существует похожая «головоломка»! Так как не может быть ВВМ для каждой приобретенной в онтогенезе моторной комбинации (заимствованная моторика), даже расширенного опытом ВВМ (РВВМ), в игровом обращении с людьми, животными, растениями, вещами (естественными как искусственными) образуются так называемые приобретенные вызывающие механизмы (ПВМ), в то время как ситуации, в которых находит место правильно определенное поведение, изучаются одновременно. Также передаваемое символами теоретическое знание может иметь вызывающую функцию. Таким образом, сначала относительно открытый направляющийся поведением механизм готовится в человеческой центральной нервной системе постепенно специфически для группы и окружающей среды, причем каждый учебный шаг канализирует последующие шаги. С каждым обучением переучивание и новое обучение становятся труднее.

Вопреки самоустированию управляющего поведением аппарата путем учения, человеческая стимулирующая система вовсе не всегда находится в равновесии. Обусловленные созреванием изменения в фазах переорганизации приводят достигнутое до тех пор в беспорядок и требуют преобразования поведения, учитывая теперь ставшие вирулентными стимулы. Это впрочем, те же фазы, в которых происходят также изображенные, похожие на инпринтинг, учебные процессы. Переорганизация значительна и понятно, что каждая организационная фаза ведет также к новому уровню идентичности.

Теперь мы попытаемся сказать, что является объективно здоровой личностью. Основной предпосылкой является первоначально неповрежденная и безотказно функционирующая центральная нервная система.²⁰ Большие нарушения в обмене веществ или в электрической активности мозга можно определить медицинскими методами относительно легко, так же нарушения вследствие травм и ранений. Ошибочные схемы включения, которые проис-

ходят из-за того, что учебные предложения окружающей среды не были заранее племенно-исторически запрограммированы в центральной нервной системе или в ее эволюционном плане или не соответствуют ожиданиям обучаемого, которые канализируются предшествующим опытом, диагностировать существенно сложнее, так как нельзя поставить какой-либо измеримый физический диагноз. Тем не менее, существует что-то вроде нарушений правильного поведения. Если исходить из того, что в соматическом объективно фиксируемые дисфункции всегда влияют также на способность к жизни и/или продолжению рода (вкл. размножение и уход за детенышами), тогда поведение, установки и черты характера, которые также уменьшают жизнеспособность в этом смысле, должны были бы также считаться патологическими. Объективно здоровая личность должна была бы в связи с этим характеризоваться

1. отсутствием неврологических патологий и
2. управлением поведения, которое позволяет ей в согласии с ее социальной и политической окружающей средой, языком и культурой, а также ее жизненным пространством, достигнуть неопознанных позиций, которые соответствуют ее собственному самопониманию и, естественно, также ее собственным способностям.

Такое здоровое управление поведением в соответствии с вышеперечисленным, может только образовываться, если человек в больших фазах переорганизации получил необходимые предложения идентификации: связанное лицо (мать), роль пола и естественная группа (народ или племя), если он может дальше вращаться в упорядоченные отношения с его системной окружающей средой: с его языком, с духовными и материальными приобретениями его культуры, с его жизненным пространством и с его социальной окружающей средой. Все это предполагает, что сама системная окружающая среда исправна. В упорядоченные отношения с ней можно только тогда вращаться, если они вообще еще преобладают. В разрушающейся системе можно, вероятно, создавать упорядоченные отношения еще между отдельными или несколькими элементами (подсистемы), но интеграции в совокупную систему больше таким путем нельзя достичь.

Если система попадает в кризис равновесия, например, потому что ее кусок был выломан (нарушение) или в нее проникли разрушающие систему инородные тела (инфекция), тогда либо наступает новое равновесие, либо разрушение нельзя задержать. Однако, при живых системах есть еще третья возможность: они располагают специальными подсистемами со специальными качествами, которые, если нарушение не слишком велико, вызывают излечение, т.е. восстановление состояния, максимально возможно приближенного к старому равновесию. Возможно, в системе человек-окружающая среда человек является подсистемой со сравнимыми качествами, так как только он один благодаря своей способности к сохранению и передаче информации

знает более ранние состояния равновесия. Разумеется, должна быть выполнена еще и вторая предпосылка, чтобы суметь оказывать лечебное действие: нарушение должно быть сначала замечено, причем, достаточно рано!

Если здоровая личность определена упорядоченными отношениями с ее окружающей средой и строящей на этом идентичностью, то возрастающая потеря идентичности и возрастающая дезориентация произнесены, и вследствие этого падающая жизнеспособность (к ней, как сказано, принадлежат также способность к размножению и уходу за детенышами) являются надежными признаками проявлений заболевания в системе человеческой окружающей среды (или: народ-в-своем-жизненном пространстве). То, что здоровые личности и относительно стабильные и, прежде всего, органически высокие отношения между остальными элементами системы человек-окружающая среда обуславливают себя, не означает, что не могло быть изменений вдоль временной оси. Они должны только развиваться в самой системе по принципу «порядок на порядок».²¹ При этом толчки вполне могут приходить снаружи. Только система должна быть способна снова находить сохраняющее систему равновесие, т.е. она должна переходить от одного организующего состояния в другое. Все прочее – это прогресс в хаосе, развал системы.

Образование здоровой личности, развитие идентичности, предполагает здоровую систему человек-окружающая среда, т.е. упорядоченные отношения между элементами (подсистемами) системы, «Упорядоченные отношения» означают, что элементы закономерным образом взаимодействуют друг с другом. Поясним еще раз, что является элементами системы человек-окружающая среда:

- 1 Люди
- 2 Животные, растения
- 3 Земля, вода, воздух
- 4 Климат, погода
- 5 Артефакты (расположения из естественных элементов или их частей)
- 6 Ментифакты (все понятия, идеи, планы, предписания и т. д, которые передаются символами)
- 7 Язык

«Закономерное взаимодействие» не означает, что все элементы должны взаимодействовать со всеми. Это значит лишь, что, если они взаимодействуют, то это происходит закономерным способом, причем закономерность исходит из качеств участвующих элементов.

Отношения в системе могут приходить в беспорядок, если элементы покидают свое место в сплетении отношений (если, так сказать, узел больше не за-

нят в коммуникативной сети), если элементы теряют или изменяют свои качества, или если инородные тела с чуждыми системе качествами проникают в сплетение отношений.

Если мы однажды рассмотрим наш список элементов, то увидим, что, например, смерть леса или загрязнение атмосферы могут привести всю систему человеческой окружающей среды в беспорядок. При радикальной перемене климата связь была бы еще очевиднее. Но значительно менее очевидны изменения в устройстве отношений, если ментифакты превращаются или заменяются на другие или также пропадают без возмещения. Здесь, конечно, могут быть также трагические процессы, революционные идеи, например, но революции, как правило, очень быстро приводят к новым организующим состояниям. Проблематичным для системы человек-окружающая среда это становится только тогда, если беспорядок нельзя ограничить и преодолеть.

Однако, положение для развития здоровой личности представляется совсем иначе. Здесь речь идет о постепенной интеграции врожденных механизмов стимула, поведенческих привычках и образе мыслей, теоретическом и практическом опыте, передаваемых через символы знаний и т. д. согласно обусловленным созреванием организационным принципам. Здесь человек как индивидуальная подсистема присоединяет свои такие же индивидуальные соединения к другим подсистемам его системы человек-окружающая среда, и развивает ожидания относительно возможных будущих отношений с такими подсистемами, которые в настоящее время лежат еще вне его дальности действия. В частности, эти ожидания в отношении качеств подсистем, с которыми еще нельзя было собрать индивидуальные опыты, основываются исключительно на интеграции сохраненных по традиции ментифактов в собственное поведенческое управление. Эти ожидания, помимо ранее упомянутых суждений, являются предубеждениями. Если же теперь фактические качества подсистем не соответствуют ожиданиям (предубеждениям) проявляющих готовность к взаимодействию других подсистем, последствиями становятся дезориентация и поврежденные отношения. Если речь еще идет при этом о тех ожиданиях, которые теснейшим образом связаны с формированием идентичности (ухаживающее лицо, противоположный пол, обширная группа как народ или племя), тогда образование идентичности или не может происходить, или происходит лишь частично, либо наступает потеря идентичности. Ментифакты, которые сначала вовсе (внешне) не ухудшают всю систему человек-окружающая среда (народ-в-своем-жизненном-пространстве), могут, однако, таким образом при развитии индивидуальной личности оказывать разрушительное действие.

Какие отношения в структурном устройстве отношений системы человек-окружающая среда могут влиять на ментифакты? Действенность ментифактов простирается, в общем и целом, на отношения между человеком и остальными подсистемами системы человек-окружающая среда. Это значит в частности: между человеком и естественной окружающей средой, между человеком

и языком, между человеком и артефактами и между человеком и другими ментифактами. Из-за этой действенности на всех уровнях ментифакты служат также как рычаги, если кто-то хочет вмешаться *целенаправленно* в систему человек-окружающая среда. Через инфильтрацию (внедрение, подбрасывание) ментифактов с точно предусмотренными качествами, вероятно, еще при поддержке одновременной демонстрации подходящих для этого артефактов, можно манипулировать каждой системой человек-окружающая среда снаружи. Это, однако, не так просто. Ментифакты в системе человек-окружающая среда основываются в значительной мере на традиции и на индивидуальном опыте с окружающей средой (включая содержащиеся там ментифакты). До тех пор пока индивидуальный опыт и сохраненные по традиции знания и умения подходят друг к другу и делают возможными, таким образом, ориентацию в системе человек-окружающая среда, могут развиваться здоровые личности с выраженной идентичностью, которые со своей стороны снова действуют в качестве передающих традиции и гарантируют, таким образом, их непрерывность. Системы человек-окружающая среда, а именно все: все племена и народы с их специфическими для их жизни культурами и специфическими для групп диалектами и языками, смогли дифференцироваться, вообще, только посредством того, что они в некоторой степени огородили свое культурное наследие от внешних влияний. Только эта относительная сплоченность системы способствует тому, что накопленные традиции могут снова и снова подтверждаться индивидуальными опытами. И это постоянное подтверждение того, что то, что человек знает, правильно, и то, что человек умеет, признанно, создает надежность, с которой человек ориентируется в своей окружающей его среде. Точность, с которой определяют свое место в системе, самоочевидность, с которой взаимодействуют с другими подсистемами, соразмерность собственных ожиданий, это несущие составные части собственной идентичности. Так как человек как живое существо стремится, вполне естественно, к надежности, безопасности и ориентации, он ведет себя таким образом, что сохраняет испытанное, надежное и передает его следующему поколению. Традиции так же достигают вследствие этого определенной «святости», язык или диалект тоже становятся исключительным средством для передачи знаний, вследствие чего сохраняется относительная сплоченность системы человек-окружающая среда. Внедрить сюда что-то, подбросить – исключительно трудно. Если система должна изменяться, то изменение должно также быть длительным. Новые ментифакты должны быть сохраняемыми в традиции. Для этого они должны сначала достичь «святости» уже существующих традиций, возможно, еще и превзойти их.

Это не то, что можно было бы сделать за одну ночь с сегодня на завтра! Поэтому все попытки целенаправленно изменить снаружи систему человек-окружающая среда, должны планироваться на долгую перспективу. Они требуют многовекового терпения. Кто хочет иметь быстрые успехи, тот должен искоренять не наличествующие ментифакты, а людей, хранящих их в своих головах и сохраняющих их жизнь. Тогда можно овладеть жизненным пространством, наполнить его другими людьми, вследствие чего система, есте-

ственно, также изменится. Такое бывало. Примеров достаточно: от Ханаана и Северной Америки до Восточной Германии. Но геноцид – это не наша тема.

Миссионерами называют людей, которые по поручению других входят в системы человек-окружающая среда – не интегрируясь в них – чтобы размещать там новые ментифакты с точно предусмотренными качествами, какие определенные изменения они должны вызвать в системе. На здоровые личности, которые полностью развили свою идентичность, едва ли можно будет произвести впечатление этими новыми ментифактами. Они лучше знают это. Что будет делать миссионер? Он будет пытаться получить в свои руки воспитание их детей. Если взрослые не отдадут ему добровольно своих детей, он заманит их вознаграждениями, также и в форме интересных артефактов. Если это также ничем не поможет, он соберет вокруг себя сирот, на которых он сможет продемонстрировать в то же время свою лучшую медицину. Вообще, медицина исключительно пригодное средство, чтобы наглядно продемонстрировать преимущества нового знания, новых ментифактов, по сравнению с традиционными.

Можно изучить потрясающее действие этой связи результата лечения и богословия уже в Новом завете. Следующая возможность – это насильственная миссионерская деятельность, как например, переход в христианство саксов при Карле Великом, причем, здесь только воспитание следующих поколений благодаря функционерам правителей приносит желаемый успех. У миссионерской деятельности с целью внешнего управления, т.е. овладения до тех пор относительно автономной системой человек-окружающая среда, вероятно, есть самые большие шансы, если его применяют в тот момент, когда система по каким-нибудь причинам уже понесла ущерб, устала, прогнила. Если из-за катастроф, войн или тому подобного отношения между подсистемами и без того по-новому должны быть упорядочены, легче всего можно внедрять новые ментифакты, а именно также у взрослых, так как многие из них растеряны в такой исключительной и крайней ситуации и терпят вследствие этого потери идентичности. Тот, кто связывает тогда чуждые системе ментифакты с перспективами нового блага, нового спасения, войдет в отношения с этими ментифактами – и вот уже они внутри системы. Относительно закрытая система человек-окружающая среда (народ-в-своем-жизненном-пространстве), производящая здоровых личностей с выраженной идентичностью, относительно невосприимчива к чуждым системе ментифактам, которые могли бы сделать систему поддающейся управлению снаружи. Идентичность людей как членов народа (или племени) в жизненном пространстве гарантирует относительную автономию всей системы. Можно сказать и наоборот, что проявление национального чувства «мы» у отдельных людей – это хорошее зеркало для управляемости всего народа или племени.

Как мы показали выше, чувство «мы» – это только один аспект идентичности. Другой аспект – это сознание собственных, особенных качеств. Являешься не только частью, но особенной частью, которая отличается от всех

остальных частей. Это неравенство элементов (людей) позволяет разнообразие отношений, вследствие этого разнообразие ментифактов и артефактов как следующих элементов и вместе с тем дальнейшее потенцирование разнообразия отношений. Высота дифференциации системы исходит тем самым из разнообразия интегрированных элементов.

Высоко-комплексная система с весьма плотным устройством отношений делает вмонтирование изменяющих систему ментифактов почти невозможным. Чем больше и чем более многообразные подгонки показывает каждый элемент к другим элементам, тем труднее внедрить туда искусственные элементы с точно предвидимым действием. Подгонки подсистемы «человек» развиваются в течение нахождения идентичности. Миссионер, который воспитывает детей, должен будет обращать внимание на то, чтобы они развивали как раз не так много и не такие сложные подгонки, по меньшей мере, не в тех местах, где принесенные им ментифакты должны атаковать. Если таким образом упрощается устройство отношений, то оно, естественно, предлагает себя и для приобщения также других элементов. Естественные элементы системы человек-окружающая среда вместо этого выбывают. То, что, тем не менее, можно изменить или обменять, наряду с дальнейшими ментифактами, это еще язык и артефакты. Но такие изменения являются лишь вторым шагом.

Вначале стоит ликвидация неравенства. Не фактического, его нельзя упразднить, но сознание неравенства упраздняется. Идентичность в форме высокосложного «быть как что-то» уменьшается до простого Я-существования. И таким «я» может внушаться межиндивидуальное равенство. Функция как часть в большом целом выпадает из поля зрения, в остальном индивидуальное хорошее самочувствие остается, индивидуальное право, индивидуальное удовольствие в удовлетворении желаний – соответственно для всех.²² Так же, как и счастья для отдельного человека, бог для отдельного человека тоже входит в программу.

И перед этим богом все люди, естественно, равны. Такой бог, который заботится о каждом отдельном человеке, который освободил каждого отдельного человека и дает каждому обещание равенства, естественно, привлекателен – в частности, для простых, бедных и слабых. Эти элементы системы человек-окружающая среда являются также второй большой целевой группой (наряду с детьми) нашего миссионера! К этому принадлежат, само собой разумеется, также маргинальные группы и изгои, мытари и прокаженные Нового завета,²³ пролетарии всех стран, асоциальные элементы и интеллигенты, которые не доросли до собственного разума.

Индивидуализация и унификация как замена идентичности – это наркотик для подсадки, который ведет к зависимости. Так как чувство «мы» относительно дифференцированной большой группы больше не может возникнуть, распространяется псевдо-чувство «мы», содержание которого исчерпывается

в сознании равенства и его внешние признаки дают почувствовать упрощение: дедифференцировка социальных манер (переход на «ты», отказ от формальностей, тенденция к унифицированию), отклонения мышления на результат и элитной мысли, отсутствие истории. Это псевдо-чувство «мы», связанное со святой уверенностью, производит ненаправленное давление, в котором миссия нуждается для своего расширения. Отдельный человек, с долгом только перед собой и его богом – будь это теперь бог Нового завета или богатство или международный социализм, полностью безразлично – становится инструментом и не замечает это. Однажды включившись во всемирный союз равных, будь то под крестом, под красной или белой звездой, разрушены дифференцированные подгонки, которые являются предпосылкой для сохраняющей систему функции в системе человек-окружающая среда и вместе с тем также для собственной идентичности. Они заменены на те простые подгонки, в которые может вмешиваться внешнее управление. Могут быть внедрены «критические» ментифакты, с отдаленной точки зрения индивидуума дают представлять систему человек-окружающая среда (народ-в-своем-жизненном пространстве!) куда, собственно, нужно было быть интегрированным, как предмет на собственном системном уровне. Индивидуум может побуждаться противопоставлять себя своему собственному народу, своей культуре, своему языку, своей истории, своей окружающей среде. Только объективация этих величин делает их критикуемыми, «ставящимися под вопрос», вследствие чего индивидуум изолирует себя еще дальше от системы. Единство человека и окружающей среды – идеологически на уровне ментифактов – ломается, и критика, которая вводится с наркотиком равенства, делает этот процесс автокаталитическим.

Если система человек-окружающая среда лишена таким образом своей основывающей идентичности силы интеграции, больше нельзя препятствовать тому, что все больше чуждых системе ментифактов, также чуждых системе артефактов, будут влиты в систему человек-окружающая среда и вызовут, таким образом, желаемое изменение: превращение народов-в-своих-жизненных-пространствах в массы индивидуумов во всемирном обществе!

Нужно уяснить самому себе: природно, т.е. племенно-исторически, человек запрограммирован на жизнь в группах со специфическими для этих групп и специфическими для жизни традициями. Все его «эволюционное расписание» направлено на эту цель. Совершеннолетний, автономный и психически здоровый человек – это не «критический» индивидуум на его одиноком острове самоисполнения в бескрайнем океане равенства. Совершеннолетний, автономный и психически здоровый человек – это признанный член группы, который абсолютно уверенно может передвигаться на основе его переданной и обозримой культуры в своем жизненном пространстве. У свободы, которую человек черпает из этого признания и надежности, есть совсем другое качество, чем у свободы для самоисполнения одинокого индивидуума – будь это в духовном или светском виде. Эта свобода, которая может способствовать только функционирующей системе человек-окружающая среда, основывает-

ся на уверенном чувстве быть использованным, и осуществляется, чтобы сделать это хорошо. Ничто не возвышает человека больше чем социальное признание! Ничто не дает больше стимула, большего мужества, большей силы, чем сознание социальной ответственности! Эмоциональность, которая связана с социальным испытанием и признанием, может оцениваться как надежный признак для того, что здесь существует племенно-исторически глубоко укореняемая потребность. Тот, кто хочет внедрить индивидуализирующие ментифакты в систему человек-окружающая среда с целью овладения снаружи, должен это учитывать. Самоисполнения не достаточно, должно иметься также признание и ответственность. Так как, однако, и то и другое не может опираться на собственную систему, абстрактные понятия, которые можно применить ко всему человечеству, должны заменить конкретные величины. Поэтому индивидуум получает в весьма общем смысле ответственность за взваленные на него поддержание чистоты и распространение «правильной» веры. Смотри по тому, какого рода индивидуализирующих ментифактов он становится жертвой, его делают ответственным за христианскую веру, рабочее движение, демократию, права человека и т. д. и т. д., в то время как он может заработать себе заслуги на этом. И так как не может быть социального признания в массе индивидуумов, оно также индивидуализируется: индивидуум получает их либо в потустороннем мире, либо в мире земном – очень лично от представителя иностранного господства. При этом светские господа предпочитают получение грамот и орденов и общественное выставление на показ в средствах массовой информации, духовные же – признание себя святыми.

В совокупности сложные отношения исправной системы человек-окружающая среда деградирует таким образом до унифицированной в далеких областях коммуникации между отдельными индивидуумами и ее руководящей властью. Однако эта унификация ведет снова к форме социального контроля, которая осложняет ему жизнь, которая возражает против коллективного унифицирования посредством индивидуализации. Это порочный круг: отклонение чуждого, инородного, которое первоначально защищало исправную систему человек-окружающая среда от фальсифицирующих чуждых влияний, естественно и дальше продолжает действовать как племенно-историческое приобретение и заботится теперь о том, чтобы все те, которые собраны в союзе равных боролись отныне против тех, кто ставит под сомнение идеологию равенства. Так как соединение с ее абстрактной руководящей (бог, демократия, социализм, свобода и т.д.) не допускает такой комплексной и твердой структуры отношений, как соединение с конкретным народом, конкретной культурой, конкретным языком и конкретным жизненным пространством, то эти изолированные индивидуумы гораздо более уязвимы к их отношениям. Они поэтому должны защищать наличествующий у них запас ментифактов гораздо более фанатично. С ним сталкивается претензия на абсолютность чуждых системе ментифактов: все интернационалистические, уравнивающие и индивидуализирующие идеологии утверждают свою монополию на благо и освобождение для всего мира. Поэтому унифицированные

индивидуумы верят, что только у них якобы есть «правильное сознание», «правильная вера» и т. д. Эта претензия на абсолютность ментифактов предлагает человеку в обособлении последнюю опору и единственную безопасность. Пораженные или соблазненные, или как бы их не называли, так само собой становятся следующими агентами правления чужаков!

Если мы теперь перейдем к рассмотрению нашей собственной ситуации, то мы должны спросить себя, может ли все же, вообще, еще быть спасение из этого порочного круга. Уравнивающие ментифакты циркулируют у нас со времен христианизации нашего народа – кто хотел бы все еще устранить их! И не является ли наша культура давно на пути к объединенной некультурности по американскому образцу? Не стало ли послание так называемой «критической теории» в головах наших интеллектуалов давно самоочевидностью? А наш язык? Не опускается ли он до тарабарщины? Пройдем, все же, однажды с открытыми глазами и ушами по улицам наших городов и деревень! Испытаем интернационализацию на собственной шкуре! Зайдем в «игровой центр»: неоновые огни, звонки, и перед каждым «игровым компьютером» – нет, не человек!, а индивидуум во всей его нищете...

Средства массовой информации и воспитательные учреждения содействуют исходя из собственной уверенности в святости индивидуализации беспомощно предоставленных в их руки людей. «Правильного» мировоззрение никто практически больше не может избежать. Кажется, чуждые системе элементы деформировали уже систему человек-окружающая среда до такой степени, что она больше не представляет собой относительно закрытый народ в его жизненном пространстве, а только лишь открытых со всех сторон людей в их случайном окружении. Потеря специфических качеств, которую вызвала эта трансформация, кажется окончательной. Но даже если нарисовать не такую мрачную картину, если признать, что вопреки христианству, «American Way of Life», вопреки «критической» теории, вопреки реальной интернационализации через иммиграцию, вопреки технократии и бюрократии еще существуют достаточные, качественно приемлемые отношения, чтобы гарантировать аварийную работу системы, то нужно согласиться, что это хотя и функционирующая система, но она, очевидно, другого вида, чем исправные системы человек-окружающая среда, которые определены исключительно отношениями элементов между собой. В интернационализированных всемирных системах культуры не только чужие элементы, индивидуализируя, проникают внутрь, индивидуумы тоже через свои отношения хватаются за чужие ментифакты, артефакты, языки и т. д.: системные границы расплываются. Происходит дезорганизация системы не только во внутренней части из-за недостающих подгонок к собственной культуре, истории, языку, родине, но также ближайшей более высокой системы, образованной из народов-в-их-жизненных-пространствах: бывшее множество автономных народов и племен расплываются надвое – господствующие в мире блоки и на «третий мир». Кажется, речь идет о тройственности. Все же, при внимательном рассмотрении даже это не верно. Кажется, речь идет скорее о дуализме, так как и

«третьим миром» фактически правят блоки. Но даже блоки это еще не тот дуализм, который мы подразумеваем. Также они состоят, как и прочий мир, из огромных подчиненных масс, из бессильных индивидуумов, и далеко удаленного от этого руководства, которое регенерируется само из себя и его процессы принятия управленческих решений для отдельного человека вообще не доступны. Фактическое единство этого руководства во всех существенных вопросах осознанно прикрывается атомным театральным громом.

Мы находим во всех частях мира проникновение чужих влияний в когда-то независимые культуры, вследствие чего люди отделяются от их традиционных ценностей. И при том все равно, приносят ли эти влияния восточную, западную или христианскую идеологию равенства. Результат – это, в любом случае, дедифференцировка как внутренней, так и целой системы. Эта дедифференцировка исторически выросших народов и культур ко всемирному обществу со всемирной культурой через интернационализацию посредством индивидуализации людей означает, что сохраняются только такие отношения, которые требуются для функционирования единого мира. По этой причине функционирование существует и дальше – только как раз не как относительно автономная система человек-окружающая среда!

Земля теряет не только пестрое разнообразие культур, народы и племена также утрачивают и свою свободу. И индивидуум одинок как никогда прежде. Немецкий язык знает два прекрасных понятия, которые выражают родительство законного жизненного пространства и переданной культуры для взрослого человека: *Отечество* и *родной (материнский) язык*. Человек, у которого отнято его родительство, будет сиротой без культуры и родины. Он не может развивать идентичность и поэтому цепляется за абстрактные «заменяемые» ценности и за свое святое знание. Такова наша сегодняшняя ситуация. Мы не должны надеяться на чудо, что мы однажды снова станем относительно автономным народом-в-нашем-жизненном-пространстве. *Давно* уже мы – стадо индивидуумов, у которых Целое уже пропало из поля зрения. Что уже означает отказ от одной идеологии равенства, если нас уже разрушили другие подобные идеологии? Что означает борьба за чистую окружающую среду, если родина – это больше не понятие? Чем помогут разговоры о лучшем обществе, если за абстрактными понятиями скрывается конец живых народов? Этот последний слепой поиск потерянного рая не может остановить колесо истории. Тем более повернуть его вспять. Теперь благосклонный читатель, надо надеяться, не ожидает, что мы скажем «фокус-покус!» и вытянем из цилиндра рецепт того, как это все же можно было бы устроить. Повернуть вспять колесо истории, невозможно, как уже сказано. Время идет вперед, и условия меняются. Поэтому не будем с грустью оглядываться на «старое доброе время»! Обратимся вперед и подумаем.

Не только наш народ, все народы и племена – за исключением, возможно, совсем немногих в отсталых регионах – утратили их форму, основывающую идентичность. Нет, не «старое доброе время» нужно вновь обретать. Речь

идет здесь не об излечении, не о восстановлении состояния равновесия: система функционирует – только иначе. Она функционирует на основе индивидуальности, не на основе идентичности. Но идентичность – это существенный признак психического здоровья. Поэтому в индивидуализированном мире не может быть психического здоровья. Декаданс, нарушение правильного отношения к окружающему, страсти, страхи, преступность, неспособность размножения,²⁴ неспособность разведения, неспособность защищаться и т. д. доказывают это. С другой стороны, человек, как мы представили выше, запрограммирован на то, чтобы развивать идентичность. Значит, у него забрали что-то, что он ищет на основе своего племенно-исторического предпрограммирования. В лучшем случае ему делают предложения замены, которые удовлетворяют его во время чувствительной фазы – как утенку, которому пододвигают воздушный шарик как замену его матери. Он тогда хоть и направляет поведение следования на него, не находя, однако, того, в чем он действительно нуждается. Патологическое производит снова патологическое и становится, таким образом, статистической нормой.

Статистика, как известно, никак не свидетельствует о единичном случае. Поэтому может быть достаточное количество людей – и мы уверены, что они существуют – которые могли развивать их идентичность все же с помощью счастливых обстоятельств. Только их рационально можно было бы просить сохранять их идентичность и свидетельствовать о ней. Поэтому мужество к идентичности, признание собственного народа и собственной культуры, собственной истории и собственной родины, может ожидаться только от очень немногих. Кроме того, как отдельные лица они еще не могут воздействовать на общественность, которая не может ставить под сомнение свое индивидуалистическое самопонимание. Тот, кто еще смог развить собственную идентичность полностью, не может даже гарантировать психического здоровья собственных потомков! Потребовалось бы уже общее усилие этих «последних смелых», причем, превыше всяких мер. Потребовалось бы общее возвращение к сознанию ценностей, красоты, достижений собственного народа, собственного языка, собственной культуры. В отличие от более ранних противостояний народов здоровые силы во всем мире должны были бы подать друг другу руки, чтобы нейтрализовать вместе дезорганизующие ментифакты. Гуманная, правильная для своего вида жизнь может для человека называться только так: жизнь как народ-в-своем-жизненном-пространстве! Это означает больше не друг против друга, но друг с другом при взаимном внимании и признании. Мы убеждены в том, что выборочный и поэтому напрасный поиск отмежевавшихся и альтернатив защищенности в «здоровом мире» укрепляет нас в сознании, что несоответствие виду и поэтому антигуманное по отношению к сегодняшней жизненной ситуации становится все более ощутимым – по крайней мере, там, где дедифференцировка зашла дальше всего. К чему это коллективное недовольство однажды приведет, абсолютно не известно.

Рецепт, который мы подобно фокуснику вытаскиваем из цилиндра, – это не рецепт для отдельного человека. Так как на востоке и западе индивидуали-

зирующее учение давно приняло характер государственной религии, наш рецепт «не мычи» не задуман для официальных учреждений. Так как *то, что вытаскивают из цилиндра, как известно, иллюзия!* Действительно мы не можем с психологической и биологической точки зрения оказать помощь, как проблему предотвращения идентичности можно было решить через индивидуализацию. Мы указали на это, мы называли причины, и мы останавливаемся, заметив, что недовольство одиноких индивидуумов растет. Мы знаем, в чем человек нуждается, чтобы развивать здоровую личность. Мы также знаем, что ему сегодня, в частности, осложняется идентификация с его более высокой естественной большой группой. Мы только опасаемся, чтобы недовольство, так как отдельный человек не знает его происхождения, однажды смогло ослабнуть бесконтрольно коллективно, и что соответствующие власти предотвратят начинающийся хаос жестокой силой. Целое и невредимое единое мировое общество открыло бы тогда свое истинное лицо как террористическая всемирная диктатура.

Формирование идентичности – это дело развития и среды. Люди, которые не смогли развить их собственную идентичность полностью, не могут создавать также среду, которая нуждается в подрастающем поколении, чтобы учить со своей стороны идентичности. Этот круг не может прорвать отдельный человек, так как, как раз в половом созревании молодой человек нуждается в подтверждении группой, в которой он живет, включая не известных ему лично членов группы. Где большая группа потеряла свою форму (разнообразие мнений – что еще имеет значение?, смешение рас – кто относится к этому?, историческая потеря – как возникла ситуация?), если она больше не может формировать. Аморфность, отсутствие формы у отдельного человека – это обязательное последствие. Потому не будем сердиться на молодежь! Не будем сердиться и на заблуждающихся и соблазненных! Даже печаль не нужна: она ведь ничего не двигает. Но сдаваться, поэтому мы тоже не должны. Определенно те, кто признает свою прямую ответственность за свой народ, культуру, историю и родину, будут использованы еще раз – как наставники для соответствующей виду гуманной жизни!

Примечания

- 1 Е. Н. Erikson, *Wachstum und Krisen der gesunden Persönlichkeit*, Stuttgart 1953, и *Identität und Lebenszyklus*, Frankfurt/Main 1966.
- 2 Е. Н. Erikson, *Wachstum und Krisen der gesunden Persönlichkeit*, там же, стр. 52.
- 3 Там же, стр. 35.
- 4 Там же, стр. 52.
- 5 Там же

- 6 Также «Биограмма» или «Биограмматика» по Count, *Das Biogramm*, Frankfurt/Main 1970; Tiger/Fox, *Das Herrentier*, München 1973; E.O. Wilson, *Sociobiology*, Cambridge 1978, 6. Auflage.
- 7 Ср. Н. Roth, *Pädagogische Anthropologie*, Bd. 1, Hannover 1971; 3. Auflage, стр. 115; и W. Hammel, *Bildsamkeit und Begabung*, Hannover 1970, S. 13.
- 8 К. Lorenz, *Der Kumpan in der Welt der Vögel*, 1935, в: *Über tierisches und menschliches Verhalten*, Bd. 1, München 1965, стр. 270.
- 9 I. Eibl-Eibesfeldt, *Grundriß der vergleichenden Verhaltensforschung*, München 1969, стр. 242.
- 10 E. H. Hess, *Prägung*, München 1975, стр. 403.
- 11 Ср. J. Bowlby, *Mütterliche Zuwendung und geistige Gesundheit*, München 1973; B. Hassenstein, *Verhaltensbiologie des Kindes*, München 1973; E. Lausch, *Mutter, wo bist du?*, Hamburg 1974; и R. A. Spitz, *Vom Säugling zum Kleinkind*, Stuttgart 1976.
- 12 Ср. B. Hassenstein, там же, стр. 62.
- 13 Eyferth в Н. Rohrs, *Friedenspädagogik*, Frankfurt/Main 1970, стр. 130.
- 14 E. H. Erikson, *Wachstum und Krisen der gesunden Persönlichkeit*, там же, S. 15.
- 15 Это предубеждение выражается в т.н. «поведении запроса» (Eibl-Eibesfeldt 1973, стр. 69) и в племенно-исторически приобретенных основах получения языка (об этом E. H. Lenneberg, *Biologische Grundlagen der Sprache*, Frankfurt/Main 1977; и D. F. Jonas/A. D. Jonas, *Das erste Wort*, Hamburg 1979).
- 16 В этой связи нужно сослаться на инициацию, которая вероятно является приемом подрастающего в группу взрослых, сконцентрированном в один момент. Ср. S. N. Eisenstadt, *Von Generation zu Generation*, München 1966; L. Tiger, *Warum die Männer wirklich herrschen*, München 1972; und auch F. Rauers, *Hänsebuch*, Essen 1936!
- 17 Подробнее у A. Koestler, *Das Gespenst in der Maschine*, Wien, München, Zürich 1968; и *Der Mensch, Irrläufer der Evolution*, Bern, München 1978.
- 18 Ср. D. Ploog, *Verhaltensforschung und Psychiatrie* in: Gruhle/Jung u.a, *Psychiatrie der Gegenwart*, Bd. 1/lb, Berlin, Heidelberg, New York 1964; P. D. MacLean, *Der paranoide Zug im Menschen*, in A. Koestler/J. R. Smythies, *Das neue Menschenbild*, Wien, München, Zürich 1970; K. J. Ehrhardt, *Neuropsychologie ‚motivierten‘ Verhaltens*, Stuttgart 1975; H. Rahmann, *Neurobiologie*, Stuttgart 1976; M. Adler, *Physiologische Psychologie*, 2 Bde, Stuttgart 1979; C. Becker-Carus, *Grundriß der Physiologischen Psychologie*, Heidelberg 1981 u. a.
- 19 P. Leyhausen (*Über die Funktion der relativen Stimmungshierarchie, dargestellt am Beispiel der phylogenetischen und ontogenetischen Entwicklung des Beutefangs von Raubtieren*, 1965, in K. Lorenz/P. Leyhausen, *Antriebe tierischen und menschlichen Verhaltens*, München 1968) называет такой тип инстинктивной организации «относительной иерархией настроений».
- 20 Собственно нужно включить также гуморальную систему, т.к. нарушения в балансе гормонов тоже могут влиять на поведение.
- 21 Schrödinger nach R. Riedl, *Die Ordnung des Lebendigen*, Hamburg, Berlin 1975, стр. 83 и особенно стр. 249ff.
- 22 Ср. Об этом также Arnold Gehlen, *Moral und Hypermoral*, Frankfurt 1969.

- 23 Бог Нового завета создан специально для миссионерства, тогда как бог Ветхого завета это прямодушный племенной бог. Он также является отцом и тем самым создателем новозаветного миссионерского бога.
- 24 Также и на основе «рациональных соображений» осознанный отказ от продолжения рода фактически является неспособностью к размножению!
-

Приложение

Политика – продолжение биологии другими средствами

(“Нойе Антропологи”, 1982, № 1)

От редакции: Тезисы немецкого ученого Д. Промпа упрощены до предела и должны быть доступны любому. Российского неискушенного читателя должна поразить их почти детская ясность и фантастически точная соотнесенность с современной Россией.

В дополнение к этим тезисам, мы хотели бы предложить нашим читателям ответить на детски простой вопрос: «Согласитесь ли вы на то, чтобы ваш потомок (внук, правнук, праправнук) стал бы чеченцем, арабом, наконец, негром?» Если такая перспектива приводит вас в ужас, то вы должны позаботиться о том, чтобы ваши потомки оставались русскими. А гарантия здесь может быть только одна – неоспоримые преимущества в России для браков между русскими людьми по сравнению со смешанными браками, неоспоримые преимущества русской культурной идентификации по сравнению с другими типами идентификации.

Эти гарантии могут быть обеспечены лишь в том случае, если русская идеология включит в себя русскую идею и русскую демографию, образуя единый сплав, хранящий наследие наших предков – культурное и генетическое.

В свете теории генного отбора специфические учреждения и традиции отдельных групп и культур следует рассматривать как средства, обладание которыми повышает общую приспособляемость их обладателей, создает им преимущества по сравнению с генетическими конкурентами. Если понимать генетическую конкуренцию, борьбу за шансы продолжения рода как борьбу за ограниченные ресурсы и ставить развитие культурных особенностей на службу этой борьбе, то было бы весьма удивительно, если бы политика не имела со всем этим ничего общего.

Это приводит нас к **тезису 1: Политика – это разновидность генетической конкуренции, ее назначение – распределение шансов на продолжение рода.**

На уровне индивидуального эгоизма, где каждый старается урвать себе кусок торта побольше, о политике еще нет речи. Борьба за хорошо оплачиваемые места, за рынки и т.д. – это тоже еще не политика в собственном смысле слова. Политика начинается тогда, когда “профессиональные” политики, избранные, назначенные ими самозванные, представляют неактивных членов своей популяции или группы (части популяции).

Если культурные учреждения служат борьбе за ограниченные ресурсы, это повышает общую приспособленность их создателей. Политика, как одно из таких учреждений, должна приносить выгоду обеим сторонам – политикам и представленной ими популяции или группе. Ожидания последних, в свою очередь, имеют два аспекта: политически неактивные члены надеются на внутренние правила, которые создают для них и их родни преимущества при конкуренции, и также хотят преимуществ и перед внешними конкурентами.

Отсюда **тезис 2: Политика – это невоенная форма борьбы между популяциями и группами за ограниченные ресурсы.**

Ресурсы популяции – это продукты питания, противоположный пол и родительские затраты; сюда же относятся в разном объеме полезные ископаемые и территория для поселения, производства продуктов питания и добычи полезных ископаемых. В зависимости от этого развиваются вспомогательные средства для эксплуатации источников пищевых продуктов и сырья, транспорт, накапливаются знания и принимаются меры для защиты территории, средств производства и самих людей от использования конкурентами из чужих популяций...

Отсюда **тезис 3: Защита, сохранение и расширение своих ресурсов – предмет жизненного интереса любой человеческой популяции**, т.е. каждого племени, каждого народа, каждой нации, а в той мере, в какой люди, принадлежащие к одной расе, образуют популяцию в биологическом смысле, – и расы.

Осознание жизненно важных интересов присуще не всем. Эти интересы состоят в том, чтобы в процессе исторического развития происходил отбор признаков, действующих в указанном направлении. Генетическая конкуренция в форме борьбы за ресурсы приводит к установлению, укреплению и охране границ, к разделению языка на диалекты, к ношению особых костюмов и униформы, к появлению особых обычаев и религиозных ритуалов, опознавательных знаков и тайн. Отсюда же дипломатия и шпионаж, порабощение и истребление конкурентов (рабство, правда, – обоюдоострое оружие: популяция рабовладельцев может легко попасть в зависимость от своих рабов). Границы, оружие и дипломатия – средства защиты территории; диалекты, костюмы, знамена и т.д. – средства отличия своих от врагов; обряды, ритуалы и тайные знания – средства защиты от шпионов. Религии укрепляют знания, полученные от предков, освящая их. (Разумеется, речь идет о родо-вых, а не о чужеродных религиях.)

Филантропы предаются иллюзия. Вся история – это история генетической конкуренции, служить которой призваны достижения культуры.

Таким образом, культурные псевдовиды (образующиеся по типу генетически обусловленных видов), отвержение чужаков, коллективная готовность к защите, а также к эксплуатации чужаков, их ресурсов, знаний и рабочей силы, и даже использование их женщин, – это биологические механизмы, развитые для защиты, сохранения и увеличения собственных ресурсов.

Тезис 4: В популяциях, членом которых представляют политики, на последних возлагается задача по организации средств для защиты, сохранения и увеличения ресурсов.

За оптимальное выполнение этой ответственной задачи они вознаграждаются по-царски.

Политика – это средство повышения общей приспособленности. Издержки на нее окупаются сторицей.

Политика должна быть привлекательной, сулить людям отсутствие забот о пропитании, право на использование рабочей силы других, власть, престиж, роскошь и увеличение населения.

Чем меньше у политика близких и дальних родственников – тем лучше. Тем больше шансов, что он будет заботиться обо всей популяции, а не только о родне. Политики – только люди.

Отсюда **тезис 5: Политики склонны к увеличению своей власти и нередко подвержены коррупции и подкупу.**

Коррупция может исходить как от членом самой популяции – каждый ожидает, что политик будет представлять его интересы – так и извне: агенты конкурирующих популяций или их частей могут побудить политика действовать в интересах той популяции и в ущерб собственной популяции ради личного обогащения или увеличения своей власти. С точки зрения популяции, политик, которого она выбрала, ни в коем случае не должен рисковать ресурсами популяции и средствами их защиты, а должен хранить их и умножать.

Тезис 6: Политики нарушают свои священные обязанности, если они допускают, что чужаки, т.е. не члены их родового сообщества, ино-родцы, представители чужих народов и рас, могут эксплуатировать ресурсы представленной ими популяции без ответных услуг с их стороны.

Политики нарушают свои священные обязанности перед своим родом, своим народом и своей нацией, если они делают возможным ползучий захват ре-

сурсов, позволяют эксплуатировать их чужакам, допускают проникновение чужаков на свою территорию...

Политики совершают преступление перед своей популяцией, если они снижают ее обороноспособность при защите своих ресурсов, что является следствием отказа от своего культурного и религиозного своеобразия, от тайных знаний, от распознавания своих и чужих, от собственных символов и традиций, а также от языка; следствием раздувания внутренних конфликтов вместо их урегулирования, ухудшения здоровья населения и здоровой наследственности в частности, а также снижение уровня воспроизводства популяции. Наконец, политики окончательно губят конкурентоспособность своей популяции, если они не хотят или не могут устранить угрозы, возникшие в результате нарушения ими своего долга, и изменить направление развития с неправильного на правильное.

Можно конечно стоять на той точке зрения, что популяции сегодня вообще излишни, а нужна только одна мировая популяция, и в мировом масштабе каждый может теоретически спариваться с кем угодно – нет никакой борьбы за ресурсы, а есть совместное использование всех ресурсов для всеобщей пользы.

По этому поводу нужно, сказать, что до сих пор человечество развивалось в форме разных популяций. При этом, вероятно в результате географической изоляции, отдельные популяции сначала разделились на расы, потом, предположительно по той же причине, возникли подрасы и, наконец, может быть уже не основе возникновения культурных псевдовидов, образовались племена как исходная точка для дальнейшего генетического обособления. Тенденция к обособлению и, тем самым, к отделению от конкурентов, к занятию своей экологической ниши всегда дает преимущества в эволюционном плане. Предрасположенность к определенному поведению и обучению можно проследить еще на дочеловеческом уровне. А этология человека заставляет предположить, что и у людей тенденция к подчеркиванию контрастов является врожденной.

Если, несмотря на это, раздаются громкие требования всеобщей нивелировки, следует задать вопрос: кому это вредно, а кому выгодно. И тогда мы увидим, что вредно это всем тем, кто достиг особых успехов при открытии и эксплуатации всевозможных ресурсов, кто обладает ценными генетическими свойствами, и выгодно тем, кто, не внося большого вклада со своей стороны, надеется извлечь выгоду из обладания этими ресурсами, присвоить знания и плоды труда тех, кто достиг большего успеха, и в дальнейшем повысить свои шансы на продолжение рода. Нивелировка, равенство, перераспределение – заманчивые перспективы для тех, кто ничего не умеет и ничего не имеет, но хочет повысить свои генетические возможности за счет конкурентов.

Желать, чтобы возникла единая культура и образовалась каша из всех народов, могут лишь те, кто полагает, что повысит свой генетический и культур-

ных уровень за счет унижения других. С их точки зрения это единственно правильное решение. А для тех, кто достиг большего успеха, будет, наоборот, правильным противиться этому всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Наибольшую выгоду из "единого мира" извлекают те, кто манипулирует людьми из-за кулис, кто нанимает на работу других, присваивая себе часть заработанного ими и оставляя им столько, сколько необходимо для поддержания их сил и хорошего настроения, допуская их контролируемое размножение, т.е. обращаясь с ними, как с домашним скотом.

Эта игра будет продолжаться до тех пор, пока можно будет, потирая руки, смотреть, как лучшие конкуренты сливаются с тем, кто ничего не имеет и ничего не умеет, образуя безопасную и бесформенную массу: все принадлежит всем, а каждому – ничего. Для гражданина мира своя территория, любимая Родина – бессмыслица, он всюду у себя дома, ему больше не нужно ничем владеть, не нужно ничего защищать. Для популяции с притязаниями на мировое господство – это идеальная картина для всего остального мира.

Однородная общемировая каша и космополитизм представляют собой полную противоположность биологической эволюции, с точки зрения заложенных в них тенденций. История человеческого рода породила разные расы, народы и племена, занимающие определенные территории. Эволюция имеет свои ценности – как биологическая, так и культурная. Были и всегда будут победители и проигравшие. Победителями в биологическом смысле являются те, кто живет долго в окружении многих внуков и племянников, а у могил проигравших никогда не собирается многочисленная родня.

Культурная эволюция, увеличивая объем знаний, совершенствуя технику, сохраняя религию и традиции, предоставляет средства для все более эффективной генетической конкуренции. Победителям в культурной эволюции достаются знания и навыки, средства организации, обеспечившие победу. Проигравшие вынуждены обращаться к наиболее эффективным знаниям и навыкам только при посредничестве победителей.

Тезис 7: Одно из самых эффективных средств генетической конкуренции, которое знает история культуры, – это внедрение своих идей в мозги конкурентов.

Мозг посылает информацию другим структурам и, тем самым, в значительной мере участвует в управлении поведением. Это позволяет лучше ориентироваться в окружающем мире, оптимально приспособливаться к нему свое поведение, создает преимущества в конкуренции за ресурсы. Если внедрить в мозг конкурентов информацию, которая не способствует познанию окружающего мира, а наоборот, затрудняет такое познание, это может сильно снизить их конкурентоспособность.

Если одна популяция вбивает в голову конкурентов идею единой культуры, мешанины народов и рас, сама не принимая в этом участия, следует исходить из того, что она делает это с целью сломить их волю к защите ресурсов, которая помогает сохранить своеобразие племен, народов, наций и даже рас (вспомним лозунг “Африка для африканцев!”), чтобы иметь возможность эксплуатировать другие популяции – их ресурсы и самих людей.

Что могут сделать политические идеи, могут и идеи религиозные. Если, например, члены одной популяции внушат членам других популяций, что ее бога следует чтить как высший авторитет, то при некотором искусстве можно великолепно управлять поведением конкурентов. Останется только возвести непреодолимые барьеры для смешения собственной популяции с остальными и следить за тем, чтобы никто из “своих” не верил в то, что предназначено для “чужих”.

Тезис 8: Популяция, которая ведет конкурентную борьбу идеологическими методами, должна сделать все, чтобы конкуренты об этом не догадывались.

Эксплуатируемую популяцию нужно заставить верить в то, что следование внушенным религиозным и политическим идеям, применение чужих критериев ценностей и т. д. – в ее собственных интересах. Это лучше всего делают миссионеры, основывающие революционные ячейки – партии, СМИ и пр. – и искусно расставленные на ключевые посты советники по экономике, науке и политике. Применяются также угрозы и моральное давление. Дело практически выиграно, когда идеология эксплуататора через воспитание детей автоматически вбивается в головы подрастающего поколения эксплуатируемой популяции. Того, кто сегодня не верит в то, что равенство – самая чистая форма человечности, ставят в коричневый угол. Того, кто верит, что массовая иммиграция инородцев во всех отношениях является благом, объявляют расистом. Тот, кто отвергает единую культуру и придерживается собственных традиций, клеймится как реакционер, близкий к фашистам. Того, кто не верит, что его популяция должна ограничивать рождаемость, преследуют за аморализм по отношению к голодающим негритянским детям. А того, кто не хочет верить, что разрушение и нейтрализация его страны обеспечивают ее безопасность и всеобщий мир, считают империалистом, стремящимся к мировому господству.

Но как самый страшный грех рассматривается утверждение, будто одна популяция или группа при посредстве идеологии стремится эксплуатировать другие, оттеснить их, растворить в единообразной каше. Тут сразу зовут палача.

Криминализация свободного выражения мнений и политических акций, направленных на усиление конкурентоспособности своей популяции, – вот цель, к которой стремятся конкуренты всех популяций человечества, ставя-

щие свою популяцию как исключение над всеми остальными, подлежащими уравниванию.

Отсюда **тезис 9: Политики, которые действуют не в интересах собственной популяции, всегда действуют в интересах биологических конкурентов.**

Такое поведение оправдано у отдельных политиков лишь тем, что они тем самым повышают свою собственную генетическую ценность. Это означает, что они либо непосредственно связаны родственными узами с конкурентами, т.е. принадлежат к конкурирующей популяции, либо подкуплены ею, либо столь мало понимают в маневрах конкурентов, что не способны защитить собственную популяцию. Последние выступают для конкурентов в роли полезных идиотов.

Политика – это средство приобретения и сохранения ресурсов. Тот, кто ведет политику против собственной популяции, ставит под угрозу ее конкурентоспособность, ее шансы на жизнь, ее генетическое будущее и будущее вообще. Хорошо это или плохо – объективно оценить нельзя, но можно сделать оценку с точки зрения популяции.

Политиков выбирают и оплачивают, чтобы они выражали биологические интересы популяции, которые сами ее члены могут точно не знать или не в состоянии точно сформулировать. Но с их точки зрения, все равно есть хорошая и плохая политика, улучшающая или ухудшающая их конкурентоспособность.

Популяции существуют до тех пор, пока они сами заботятся о своем сохранении. Если они этого не делают, они вымирают или генетически растворяются в популяциях-завоевателях.

Желание остановить этот процесс, поняв его, – личное решение каждого. Можно ли остановить его, зависит от того, как много людей захочет сделать это, и от того, в силах ли конкурент помешать этому. Если народ отказывается от своей культуры как от важного орудия обеспечения своей конкурентоспособности – он угасает.

Тезис 10: Политика как средство генетической конкуренции поддается только субъективной оценке, но ее результаты можно оценить объективно. Знание этого само по себе может дать преимущества при конкуренции.

Если человек будет знать, что политика – это аспект биологической эволюции рода *Homo sapiens*, и будет убежден, что пестрое многообразие народов и культур достойно сохранения – в том числе и его собственный народ и его культура – это знание поможет объяснить максимально большому числу членов популяции их биологические интересы и способы их защиты.

Правда, сомнительно, достаточно ли этого.

Если воля к самосохранению и саморазвитию уже сломлена, если люди одурманены видениями "прекрасного нового мира", верят в розовое будущее в раю уравниловки, кто захочет выступить перед этими людьми, находящимися в зависимости от сильного наркотика ложно понятой гуманности, в упорении перспективами улучшения мира? К тому же, противники постараются воспрепятствовать распространению опасных для них взглядов, будут их высмеивать, объявлять ненаучными и криминализировать.

Если целому народу постоянно вдалбливают, что регресс – это прогресс, что демонтаж генетического и культурного своеобразия ведет в светлое будущее, кажется безумием плыть против течения. И тем не менее, это единственная надежда для тех, кто убежден в самоценности особенностей как генетического, так и культурного характера, приобретенных его популяцией, его народом на протяжении их истории.

Нет в космосе закона, предопределяющего, что современные народы будут существовать и через сто лет. Этого можно только хотеть. Но мы должны этого хотеть.

Журнал «Золотой Лев»

Перевод с немецкого: А.М. Иванов

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).